

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ Е. Р. ДАШКОВА: ПОРТРЕТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Реконструкция значимых черт языковой личности Екатерины Романовны Дашковой — задача очень сложная, поскольку до нас дошли лишь мемуары, написанные по-французски, и немногочисленные письма и документы. Тем не менее со страниц книги «Записки княгини Дашковой. С приложением разных документов и писем», изданной в 1907 г., встает яркий речевой портрет незаурядной фигуры их автора. Удачный перевод «Записок» передает особенности речевой манеры Дашковой, что становится очевидным при сопоставлении их с текстами писем и других документов, как написанных по-русски, так и представленных в переводе.

Прежде всего, однако, обратимся к выразительному словесному портрету, представленному в заметках Д. Дидро, с которым Дашкова много общалась, будучи в Париже: «Княгиня Дашкова ростом мала, лицом не красива; нос у ней большой и высокой, толстая надутая щеки, глаза ни велики, ни малы, брови и волосы черные, нос широкой, рот большой, губы толстые, зубы испорченные, шея круглая и прямая; грудь выдавшаяся, стан неправильный: она в движениях сгора; не имея приятности, весьма приветлива; физиогномия ее значительна. Характер ее важен, по-французски изъясняется легко; она не все то обнаруживает, что знает и думает, говорит просто, сильно и уверительно; ее мысли основательны, велики и возвышенны... Одарена будучи пронизательностью, она почти всегда находит истинную причину вещей; по своей природной скромности, или по неуважению занимаемой ею роли, не терпит похвалы и лестии» (Плутарх для прекрасного пола... 1819: 183–184)¹. Уже здесь перед нами не только весьма отличающаяся от парадных портретов характеристика внешности, но и намеки на особенности речевого поведения.

Показательны истоки исключительной для своего времени образованности Дашковой, в которой никто из современников не сомневался. Поворот в судьбе 13-летней девочки, приближенной ко двору, связан с «прилипчивой болезнью» — корью. Согласно строгим предписаниям того времени, она была перевезена в загородное имение Воронцовых и могла общаться только с врачом и служанкой. Именно в это время обнаружили ее страсть к чтению и склонность к рефлексии: «Тогда она почувствовала необходимость и важность наук и первый раз вкусила сладость размышления... Дашкова, пробужденная к деятельности скучною болезнью, старалась обработать ум свой и вкус чтением и размышлением» (Плутарх... 1819). Много лет спустя она писала: «Глубокая меланхолия, размышления над собой и над близкими мне людьми изменили мой живой, веселый и даже насмешливый ум. Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно. Когда глаза мои выздоровели, я отдалась чтению. Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало» (Записки... 1907: 6). Тогда же Дашкова начала писать стихи. В «Галерее знаменитых россиянок» приводится надпись на портрете Екатерины II (тогда еще великой княгини Екатерины Алексеевны):

Природа в свет Тебя стараясь произвесть,
Дары на тя едину истожила,
Чтобы на верх Тебя величия возвесть —

И награждая всем, она нас наградила (Плутарх... 1819: 180).

Эти стихи ничем не отличаются от обычных для второй половины XVIII в. стихотворных текстов, однако, несомненно, демонстрируют литературные способности юной Дашковой.

Особой страницей в ее биографии является ее участие в перевороте 1762 г. Как пишет Н. Д. Чечулин, «осторожно надо относиться к тем страницам, где Дашкова говорит о своем непосредственном участии в том или другом событии, вообще о чем-либо, живо и непосредственно ее затрагивающем» (Записки...1907: IV). Показателен, например, следующий фрагмент текста, в котором обнаруживаются и эгоцентризм, и самолюбование: «Я вышла из кареты и хотела пешком пройти через площадь; но я была узнана несколькими солдатами и офицерами и народ меня понес через площадь высоко над головами. Меня называли самыми лестными именами, обращались ко мне с умиленными, трогательными словами и провожали меня благоговениями и пожеланиями счастья вплоть до приемной императрицы <...>. Платье мое было помято, прическа растрепалась, но своим кипучим воображением я видела в беспорядке моей одежды только лишнее доказательство моего триумфа; не имея времени привести в порядок свой туалет, я предстала в таком виде перед императрицей» (Записки...1907: 54). Нельзя не заметить особый женский почерк мемуаристки: «Я поцеловала ей [императрице. — В. Ч.] руку и очутилась в офицерском мундире, с лентой через плечо, с одной шпорой, похожая на четырнадцатилетнего мальчика» (Записки...1907: 65).

Дашкова, без сомнения, была мастером выразительного публичного речевого поступка. Она ценила афористичность, яркую формулу, в которую облекала мысль. Софизм Руссо, пленивший ее еще в детстве, — «Напрасно бояться смерти, так как пока мы живем — ее нет, а когда она наступит, мы не существуем» — сопровождается следующим тезисом: «Его произведения очень опасны, потому что молодые головы легко могут принять его софизмы за силлогизмы» (Записки...1907: 219). Без лишней скромности, пересказывая свой разговор с Дидро о рабстве крестьян в России, Дашкова так цитирует его: «Какая вы удивительная женщина! Вы переворачиваете вверх дном идеи, которые я питал и которыми дорожил целых двадцать лет!»

В «Записках» приводится немало выразительных примеров эффектных выступлений Дашковой. Так, после переворота 1762 г. она отказывается от бриллиантового ордена св. Екатерины: «Простите мне, ваше величество, то, что я вам сейчас скажу. Отныне вы вступаете в такое время, когда, независимо от вас, правда не будет доходить до ваших ушей. Умоляю вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же вы хотите вознаградить меня им за мои заслуги, то я должна сказать, что какими бы ничтожными они ни являлись по мнению некоторых лиц, в моих глазах им нет цены и за них нельзя ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами» (Записки...1907: 65). Во время коронации ей, как жене полковника, было отведено место в последнем ряду. Дашкова пишет: «Мне совершенно безразлично, на каком месте я буду сидеть; я настолько горда, что думаю, что я своим присутствием украшу самое последнее место и сделаю его равным первому». Много позже на заседании Академии математик Эйлер долго не находил своего места. Дашкова, подведя его к креслу, сказала: «Государь мой! Пожалуйста садитесь, где вам угодно; место, которое вы займете, всегда будет первым» (Плутарх... 1819: 170). Умелая ориентация на адресата обнаруживается и в следующем обращении к членам Академии: «В просвещении и способности охотно я отдам преимущество своим предшественникам, но ни единому из них не уступлю в праводушии, которое побуждать меня всегда будет, поставлять должностию себе и удовольствием отдавать справедливость вашим дарованиям» (Плутарх... 1819).

Очень интересно описание разговора с Екатериной II, в котором Дашкова обнаружила умение добиваться своих целей с помощью умело выбранных риторических приемов: «Я своим ушам не поверила, когда императрица предложила мне место директора академии наук. От удивления я не могла выговорить ни слова, и императрица успела мне наговорить много лестного, думая этим убедить меня принять ее предложение.

— Нет, ваше величество, — наконец сказала я, — не могу я принять место, совершенно не соответствующее моим способностям. Если ваше величество не смеется надо мной, то позвольте мне сказать, что в числе многих прочих причин, я из любви к вашему величеству не хочу рисковать сделаться всеобщим посмешищем и не оправдать вашего выбора. <...> Импе-

ратрица умела быть очаровательной, красноречивой и тонкой, когда хотела привлечь к себе или убедить кого-нибудь. Но на этот раз ее постигла неудача.

— Сделайте меня начальницей ваших прачек, — сказала я, — и вы увидите, с каким рвением я вам буду служить.

— Теперь вы смеетесь надо мной, предлагая занять такое недостойное место.

— Ваше величество думаете, что меня знаете; но вы меня не знаете; я нахожу, что какую бы должность вы мне ни дали, она станет почетной с той минуты, как я ее займу; и как только я стану во главе ваших прачек, это место превратится в одну из высших придворных должностей и мне все будут завидовать. Я не умею стирать и мыть белье, но если бы я тут сделала ошибки вследствие своего незнания, они бы не повлекли за собой серьезных последствий, между тем как директор академии наук может совершить только крупные ошибки и тем навлечь нарекания на государя, избравшего его» (Записки...1907: 182–183).

В спорах о роли Петра I с австрийским премьер-министром Кауницем Дашкова высказывает мысли, которые в современном политическом контексте звучат вполне современно: «Великая империя, имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, <...> это доказывает только невежество и легкомыслие европейских стран, игнорировавших столь могущественное государство» (Записки...1907: 161).

Большое место в мемуарах занимают заметки о путешествии по Европе, которое Дашкова в течение нескольких лет совершала, заботясь об образовании своих детей и выполняя «обязанности матери и наставницы». «Виденные ею в чуждых странах полезные учреждения, соответствующие истинной цели просвещения, возбудили в ней благородную ревность к подражанию; но в подражании она не ослеплялась одною наружностью, одним пустым блеском: она мыслила, что всякое новое учреждение тогда только хорошо, когда имеет внутренние достоинства, основанные на благоразумии и справедливости» (Плутарх... 1819). В книге представлено много ярких бытовых описаний, характеристик культурных объектов и выдающихся исторических фигур, с которыми Дашкова общалась:

«В Париже я пробыла всего 17 дней, я не хотела видеть никого, за исключением Дидро. Я посещала церкви и монастыри, где можно было видеть статуи, картины и памятники. Я была и в мастерских знаменитых художников, и в театре, где занимала место в райке. Скромное черное платье и самая простая прическа скрывали меня от любопытных глаз»;

«Это место [вдоль канала] было единственным, где можно было дышать свежим воздухом; но оно было запущено и завалено всяким мусором. Я велела его расчистить на свой счет, посыпать гравием и поставить скамейки. Мы задыхались от жары и недостатка воздуха, так что я писала одной своей подруге, что если ночью мы и не жаримся от солнца, то, вероятно, какой-нибудь злой дух выкачивал из Пизы весь воздух пневматической машиной» (Записки...1907: 148);

«Путешествуя по Италии, накупила старинных эстампов первых граверов, дабы по своей коллекции проследить развитие этого искусства вплоть до настоящей степени совершенства» (Записки...1907: 159);

«Я не стану говорить о прекрасной стране, которую мы видели, и об удовольствии, которое испытываешь, наслаждаясь разнообразными картинами, когда едешь вниз по Рейну. Все это описано пером, лучшим, чем мое. В Дюссельдорфе я посетила картинную галерею и не могла не заметить ее директору, что он поместил в амбразуре окна великолепного Рафаэля, изображавшего Иоанна Крестителя, которого он не сумел распознать, вследствие того, что картина была написана его второй манерой» (Записки...1907: 115).

Очень яркой характеристикой речевого портрета Дашковой является ее прекрасное знание иностранных языков и русско-французское двуязычие, которое ярко продемонстрировано в одном из опубликованных писем: в пределах одного текста Дашкова легко переходит с русского языка на французский. Если французский и немецкий были усвоены еще в детстве, то английский Дашкова осваивала во время своих путешествий по Европе: «В Спа я познакомилась с четой Неккер, но я была дружна лишь с английскими семьями. Мы ежедневно виделись с лордом и леди Суссекс; с помощью французского и немецкого языка я стала вскоре понимать все, что читала по-английски, не исключая и Шекспира. Обе мои приятельницы приходили поочередно каждое утро, читали со мной по-английски и исправляли мой выговор; они были

моими единственными учительницами английского языка, которым я впоследствии владела довольно свободно» (Записки...1907: 99).

Большой интерес представляет переписка Дашковой с родными, прежде всего с братом, А. Р. Воронцовым. Интересно сопоставить письма, написанные по-русски, с письмами, переведенными с французского языка. Письма, написанные по-русски, показывают становление норм русского литературного языка, причудливое переплетение тяжеловесных книжных оборотов и разговорно-просторечной лексики: «Прости мне, любезный друг, если я так долго не отвечала на твое письмо. Во-первых, извиняюсь болезнью; а во-вторых удивлением, которое во мне произвела батюшкина пропозиция о Знаменском его дворе» (Записки...1907: 276); «Управитель же батюшкин у меня просил оных денег, но я не дала ему; потому что ей-ей я не в состоянии более этого сделать, и все деньги с дому получая, ни в 15 лет капитал мой не будет возвращен, почему я льстила, что батюшка изволит почувствовать мой поступок и мне спасибо скажет. <...> Если ты, мой друг, не надеешься быть в Матренине так скоро, так дозвожь мне оттуда 8-мь штофов водки взять: моя вся изошла, а здесь очень дурна и дорога» (Записки...1907: 279).

Письма, переведенные с французского, отличаются и содержательно, и по выбору языковых единиц: «Сегодня у брата ассамблея, на которой буду я. Граф д'Артуа приезжает на ассамблею в 9 ч. прямо от императрицы; он не ужинает, обходит игорные столы и смотрит на ужин, т. е. входит в столовую, чтобы сказать несколько слов дамам, и затем уезжает. Епископ Арасский, приехавший с ним, говорил со мной вчера более часу в Эрмитаже; хотя он очень горячо отзывался о событиях во Франции, но суждения о них не могут понравиться деспоту; взгляды его на старый режим мудрые и правильные» (Записки...1907: 280). Здесь мы наблюдаем использование многочисленных калек, получивших особое распространение в карамзинскую эпоху («честный человек с возвышенной душой», «возлюбленный брат», «отдохнуть душой», «неизъяснимая радость»). Ср. также: «Он [Марков. — В. Ч.] перед отъездом в Царское Село получил вторую головомойку за “легкомысленный тон”, как ты совершенно верно выражаешься <...>. С тех пор “он играет комедию”...» (Записки...1907: 281). Наряду с этим в письмах к дочери, отношения с которой складывались чрезвычайно сложно, Дашкова использует большое количество экспрессивной лексики: «беспутное твое мотовство», «прихоть», «чванство», «все сие безбожное противу меня ополчение», «при первом пароксизме злости ты их [детей. — В. Ч.] выкинешь из окна», «вся церковь была потрясаема бешеным твоим голосом; все были поражены ужасом, видя бесчеловечие, злость и намерение уморить мать слухом сего безбожного исступления», «мучительница моя безбожная дочь».

Письма Е. Р. Дашковой демонстрируют великолепную способность к переключению кодов, что, согласно современным представлениям, является одним из важнейших признаков элитарной языковой личности. Отметим, что это особенно важно для конца XVIII в., когда система функциональных стилей находилась еще в стадии становления. Так, в письмах можно наблюдать особенности складывавшегося делового стиля. В письме брату в декабре 1775 г. Дашкова пишет: «Верующее письмо батюшкино должно быть в такой силе: верю продать, заложить или в наймы отдавать и деньги принимать, которое письмо должно быть в Юстиц-Коллегии в Петербурге засвидетельствовано». В книге приводятся подобные «верующие письма» (доверенности): «По доверенности от батюшки получила я от брата Александра Романовича в совершенную заплату данных мною батюшке в займы денег, вексель от Сабакина на всю сумму то есть на 20 141, вчем я сию расписку и дала 1775 года марта 5 дня. Княгиня Екатерина Дашкова»; «Получила я от брата в зачет тех денег, кои он мне тысячу восемь сот восемьдесят рублей в чем я дала сию расписку. Княгиня Екатерина Дашкова» (Записки...1907: 278).

Много позже, уже будучи президентом Академии, Дашкова часто пишет прошения императрице, в стилистике которых сочетаются особенности торжественной книжной речи и делового стиля: «Поелику за всеми по Академии Наук расходами по 1-е число настоящего месяца состоит экономических денег сто пятнадцать тысяч рублей, то всеподданнически прошу дозволения обратить из оных тридцать тысяч рублей в пользу добропорядочных служащих при Академии и упражняющихся в различных художествах и других должностях, приносящих трудолюбием своим казне Вашего Императорского Величества прибыли, когда таковые за старостию или по болезням продолжать служение не возмогут, чтоб для пропитания имели бы пенсию» (Записки...1907: 299). Иначе формулируются просьбы, связанные с конкретными

объектами: «Поелику ж в академической гимназии воспитанники умножены и в занимаемом ими казенном доме учебные классы поместить порядочно не можно, да и самый тот дом пришел в такую ветхость, что когда одну половину оного исправляют починкою, тогда другая валится и угрожает опасностью; равномерно и состоящий на Васильевском острове по 2-ой линии академический деревянный дом пришел в крайнюю ветхость и совершенную к починке негодность» (Записки...1907: 300).

Очень любопытны указания по уходу за садом, написанные собственноручно Е. Р. Дашковой: «Где посадка, а не посеяно, то граблями выровнять и чисто содержать, чтоб трава не прорастала и тем растениям не мешала»; «В канальцы и ямки, приготовленные для садки, отнюдь не сажать ни берез, ивнику, сосен, ни ёлок, а засаживать оные калиновыми, рябиновыми, орешниковыми, бересклетовыми и шиповными кустами»; «В клумбы и близко к дорожкам можно садить ягодки»; «Приказать сажать деревья и кусты в показанном мною бульоне»; «Дуб и другие деревья, есть ли они не очень здоровы покажутся, то поливать оным же бульоном, разведа оный пожиже».

Конечно, предметом особого внимания Дашковой был научный стиль, в частности, язык философских сочинений (не случайно в «Словаре Академии Российской» она взяла на себя разработку нравственных понятий). Еще в 1774 г. она писала Екатерине: «Я льщусь надеждой, что потомки наши будут иметь то преимущество, что красоты слога будут безвредно присоединяемы к сочинениям философическим» (Записки...1907: 166). Вступая в должность директора Академии, Дашкова говорила: «...при всех преимуществах не доставало языку нашему предписанных правил постоянного определения речениям и непременною словам знаменования. Отсюда происходили разнообразности в сопряжении слов, несвойственные, или паче рещи, обезображивающие язык наш речения, заимствуемые от языков иностранных» (Плутарх... 1819: 172–173).

Большой интерес представляют комментарии Дашковой о разных аспектах деятельности Академии до и после вступления ее в должность. Сначала формулируется тезис, который призван вызвать негативное отношение к организации того или иного вида деятельности. После этого в предельно лаконичной форме представлен безусловно положительный итог деятельности Дашковой:

«Инспектором состоял господин Голубцов; он ничего не делал и только расписывался в получении жалованья. Он был назначен судьей в Каргополь, где тщетно ожидали его приезда; ничего не делая, он получал жалованье от академии и занимал квартиру, нужную для других целей. Я его уволила»;

«Из Академии получали книги для прочтения посторонние, вследствие чего несколько сочинений оказались разрозненными; книги не были размещены в алфавитном порядке и стояли в беспорядке. Теперь только члены Академии имеют право брать книги и то под расписку; все книги перебраны и установлены в порядке»;

«Бумага расходовалась в громадном количестве и не существовало шнуровой книги, регулирующей ее употребление. Теперь расход уменьшился наполовину; как пишушим, так и мне выдается каждый месяц только нужное количество бумаги. Заведены шнуровые книги, проверяющие и регулирующие ежемесячный расход ее».

В заключение хотелось бы привести характеристику русского языка, данную Дашковой в ее обращении к членам Академии: «Вы, Государи мои, знаете цену сего монаршего к Отечеству и сему собранию дара; вам известны обширность и богатства языка нашего; на нем сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндарова лира, не теряют своего достоинства» (Плутарх... 1819: 172–173).

Литература

1. Записки княгини Дашковой: Перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи. С приложением разных документов и писем / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907.
2. Плутархъ для прекрасного пола, или галерея знаменитыхъ россиянокъ. Сочин. гг. Блантарда и Пропіака. М., 1819.

Примечание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

1. Здесь и далее материалы изданий XIX — нач. XX века приводятся в орфографии, приближенной к современной.